

Из-во эго-футуристовъ

„Старованный Странникъ“

АЛЬМАНАХЪ ЗИМНІЙ (№ 9)

1915 г.

АПОЛОГІЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛЖИ.

„Единственная безупречная форма лганья—это ложь ради лжи, а высшей стадіей этого дарованія является ложь въ искусствѣ.

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ.

Из-во эго-футуристовъ
„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ“.

АЛЬМАНАХИ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

Содержаніе предыдущихъ выпусковъ:

8-го (осенняго 1915 г.):

Н. Евреиновъ.—Общественный театр на взглядъ познаващаго искусство „Театра для себя“.—Викторъ Ховинъ.—Голосъ изъ подполья.—Борисъ Гусманъ.—Василій Каменскій. **Безотвѣтные вопросы.**

7-го (весенняго):

Игорь Сѣверянинъ—Тіана—А. Толмачевъ—Ночь въ столицѣ.—В. Вертеръ—*.*—А. Масаиновъ—Японія. М. Струве—*.*—Викторъ Ховинъ—Сквозь мечту.—П. Вольнинъ.—Могиломаны—Б. Гусманъ—Весеннія проталины.—**Безотвѣтные вопросы.**

6-го (зимняго):

Игорь Сѣверянинъ.—Стихи въ ненастный день (III—VI). М. Нозыревъ.—Мальчикъ съ картонками (поэза). Викторъ Ховинъ.—Футуризмъ и война.—**Безотвѣтные вопросы.**

5-го (осенняго):

Игорь Сѣверянинъ.—Стихи въ ненастный день (I и II). Д. Нрючковъ.—Газетнымъ поэтамъ, Любите поэтовъ, любите (поэзы). Викторъ Ховинъ.—Елена Гуро.—„Людамъ изъ биржевомъ“ Изданіе 2-е (1-е распродано).

Цѣна 25 копѣекъ.

Альманахи I—IV распроданы.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда и Москвы.

Адресъ изд-ва: Невскій пр., д. 160, кв 2. Тел. 45—90.

Содержание альманаха:

С т и х и:

Василія Каменскаго, Александра Толмачева, Рюрика Ивнева и
Михаила Козырева.

С т а т ь и:

Виктора Ховина—Отравныя орхидеи, **Н. Евреинова**—Инсцены „Театра
для себя“, **Виктора Ховина**—Великолѣпныя неожиданности.

Портретъ Оснара Уайльда.

ТРИ СЕСТРИЧКИ МАЛЯВИНЫ.

Будто три чайки нечаянно встрѣчныя
На берегу у разливной рѣки,
Крыловыя возможности—млечныя
Бирюзовыя кольца руки.

Будто надъ озеромъ три гибкостройныя
Ивы, надъ озеромъ яснымъ весной.
Розовымъ трепетомъ роснопокройныя,
Солнцемъ томимыя,—грустью лѣсной.

Будто три радуги радуютъ ярко
Послѣ дождя одиночества дней.
Сердце хочетъ доврѣчиво-жарко
Расцвѣтать для звучальныхъ огней.

Будто три пѣсни, зарею напѣтыя,
Страсть вдохновляютъ въ свирѣль пастуха.
Можетъ быть чуютъ, что радостный гдѣ то я
Звонкаго чуда ищу для стиха.

Василій Каменскій.

ВЪ ГОРОДѢ.

А. И. Хлѣбинской.

Здѣсь—величье и праздникъ убогій.
Маякъ отраженный потухъ.
Здѣсь—надъ городомъ шумомъ, тревогой
Распластанъ мучительный Духъ...

Снаряженный корабль не отчалить,
—Крѣпки закрѣпленья моста
И цвѣты изъ бумаги вѣнчаютъ
Лицо огневое Христа.

Отъ людей, отъ трамваевъ и конокъ
Уйди, размечись въ глубинѣ...
Не рыдай, не рыдай, какъ ребенокъ,
Пойми,—искупленія нѣтъ...

Здѣсь—сплетается въ жадной отвагѣ
Прозрачная, синяя гарь.
На иконѣ—цвѣты изъ бумаги,
И въ сердцѣ бумажный фонарь.

Александръ Толмачевъ.

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ.

Бросалъ проститутокъ въ безстыдной отвагѣ
Грохочащій ужасъ ночного жерла,
Дрожали, вздувались трехцвѣтные флаги,
Гудѣли соборные колокола.
Удушливый мускусъ изъ оконъ притоновъ
Кричалъ сладострастно: „мужчина, войди“!
Позоръ, заглушая отчаянныя стоновъ,
Вспѣненнымъ приливомъ гудѣлъ впереди.
Какъ звѣри бѣжали, кричали: „Потѣшите!
Да будетъ послѣдняя ночь весела“!
Мужчины у женщинъ срывали одежды
И въ темныхъ подвѣздахъ сплетались тѣла.
А кто цѣломудренной ласки не продалъ
И тѣ, кто страшился базарной любви,
Въ слезахъ проклинали безумье народа,
Ломали холодныя руки свои.
Кружились вакхическія карусели,
Кружился безумный, ночной троттуаръ,
Глашатаи въ темныхъ плащахъ гремѣли:
„Невѣсты! идите и вы на базаръ“!..
Все новыхъ, ломая, выбрасывалъ, мучалъ
Грохочащій ужасъ ночного жерла...
А въ небѣ кружились угрюмыя тучи,
Молчали соборные колокола.

Александръ Толмачевъ

I.

Говорили... Въ воздухѣ синемъ
Были звѣзды, какъ слезы Господни.
— Вы пріѣхали сегодня,—
Поклонитесь нашимъ святынямъ?

Я молчалъ. Что могъ я отвѣтить?
Что всѣ мысли, всѣ чувства лживы,
Что успѣлъ я только замѣтить
Чей то ротъ, больной и красивый,
Въ гостинницѣ неприхотливой.

Завывали гудки пароходовъ,
Колокола звенѣли...
Изъ-подъ заплѣсневшихъ сводовъ
Кремля—молодые деревья свѣтлѣли.

Новгородъ.

II.

Широко разлившійся Волховъ
Предъ самымъ моимъ окномъ.
Все хорошо;—не плохо
Даже то, что мы не вдвоемъ.

Тянетъ съ рѣки прохладой,
Солнце за монастыремъ.
Единственная отрада
Носить тебя въ сердцѣ своемъ.

Ты можешь мутить въ сосудѣ
Сердца ясную плоть.
Все, что подать мнѣ забудешь
Подастъ за тебя Господь!

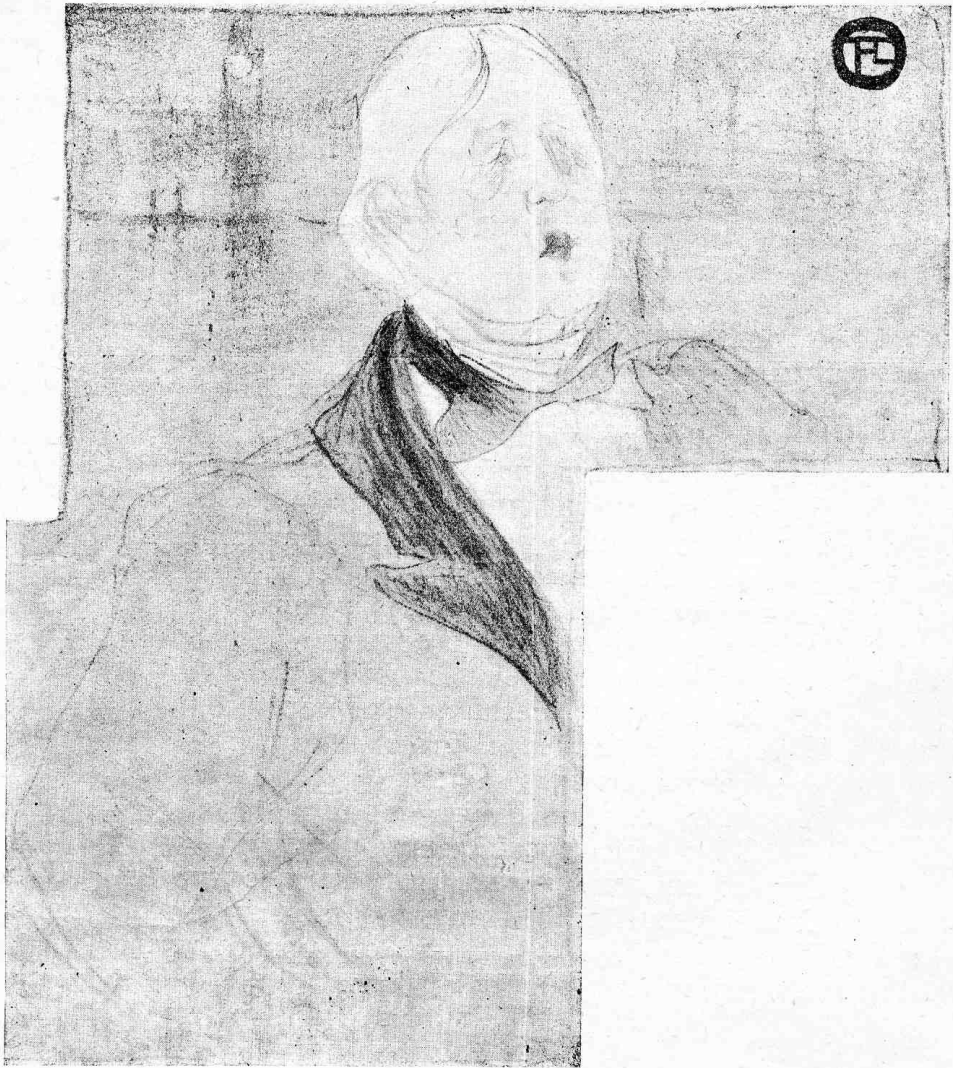
Юрьевскій монастырь, Новгородъ.

Рюрикъ Ивневъ.

КОРОЛЬ.

Радостно, выбравшись изъ петель тоски,
Высоко поднявъ голову гордую,
Такъ высоко, что ей облака близки,
    Пройти по улицамъ города.
Медленно пройти, небрежно расталкивая
Черную толпу глядящихъ внизъ—
Тогда люди покажутся такими жалкими,
    Особенно самые счастливые изъ нихъ.
Такъ нерадостны улыбки грязненькiя
На улицахъ панелями стертыхъ
И даже самые солнечные праздники
    Какъ будни, безличны и мертвые.
И тогда мнѣ кажется, что я — король—
Что черная на мнѣ корона
И только на часъ одинъ порой
    Съ высокаго спускаюсь трона.
Оттого одинокъ я въ толпѣ, какъ свѣча,
Свѣтель, какъ встающая изъ-за снѣжныхъ горъ заря...
Вѣдь въ потертомъ пальто съ чужого плеча
    Никто не узнаеть короля.

Михаилъ Козыревъ.

Тулузъ-Лотрекъ.

Портретъ Оскара Уайльда.

Литографія 1895 г.

Изъ коллекціи Н. Н. Евреинова.

ОТРАВНЫЯ ОРХИДЕИ.

(Глава объ Уайльдѣ).

Эстетъ, палачъ и фанатичный
патеръ,
По лабиринту шхеръ къ морямъ
фарватеръ,
За красоту покаранный Оскаръ.
Изъ Игоря Сѣверянина.

— Основа жизни это жажда выраженія,— повторялъ часто Уайльдъ, и также не сомнѣвался онъ въ томъ, что жизнь умираетъ, когда придаютъ ей стереотипную форму.

„ Я думаю, что если бы кто-нибудь жилъ полной и совершенной жизнью, давая форму каждому своему чувству, выраженіе каждой своей мысли, воплощая каждую мечту,—я думаю, что міръ получилъ бы такой свѣжій импульсъ радости“...

И во имя этой радости, во имя творчества жизни, жизни-искусства, создалъ Уайльдъ свое Евангеліе, священную книгу своихъ упованій.

Если прекрасные герои драматическаго искусства, если экстазные видѣнія міровой поэзіи созданы были воображеніемъ другихъ, то не онъ-ли прозрѣлъ высшее проявленіе міроваго творчества въ томъ, что Иисусъ изъ Назарета создалъ Себя Самъ, Своимъ воображеніемъ?

„Живите! Живите той чудной жизнью, что скрыта въ васъ“!...—паѳосно призываетъ Уайльдъ къ творчеству жизни.

Но обѣщанія неизвѣданныхъ восторговъ жизни творимой нежданно смѣняются скепсисомъ невѣрія въ достижимость обѣщаннаго, безудержной жаждой нирваны эстетическаго созерцанія.

То въ пурпуровой мантіи жреца вдохновенныхъ утопій, то въ смокингѣ развратительнаго дэнди, возвращающаго на бѣлотуманныхъ улицахъ Лондона свои отравныя орхидеи, Уайльдъ метался въ противорѣчій и разрывался ими.

Создавъ свою грезу о творествѣ жизни, онъ побивалъ и себя, и свою грезу камнями и бѣжалъ отъ нея въ міръ красокъ и видѣній,—въ тотъ міръ, который не знаетъ уступокъ и гдѣ красота царствуетъ безпредѣльно...

Вѣдь не даромъ же въ странной повѣсти Уайльда съ ея раздвоеннымъ героемъ Генри-Доріаномъ, въ этой небывалой по формѣ автобіографіи, Доріанъ Грей былъ лишь слѣпымъ исполнителемъ того, чего требовали скрижали эстетики лорда Генри; не даромъ же о послѣднемъ мы *ничего* не знаемъ, ибо не знаемъ самаго главнаго, какъ онъ, проповѣд-

никъ новаго гедонизма, какъ онъ самъ творилъ свою жизнь, жизнь—художественную поэму, и творилъ-ли онъ ее?

Или этотъ фанатикъ красоты, предъявлявшій столько требованій къ сложной индивидуальности, стоялъ обезоруженный передъ медлительно однообразнымъ, но стойкимъ существованіемъ дѣйствительности, изначала враждебной порывному утопизму искусства. И великолѣпный въ своемъ томленіи по красотѣ, но бессильный передъ тусклыми и безцвѣтными глазами будничности, не производилъ-ли онъ только вивисекцію надъ душой Доріана, не производилъ-ли онъ, *созерцатель*, только опытъ, чтобы убѣдиться въ недостижимости своей грезы?

Въ трагической развязкѣ повѣсти многіе видятъ желаніе Уайльда дать отрицательную этическую оцѣнку тому новому гедонизму, который воплотился въ жизни Доріана. Но этика, какъ всегда, и здѣсь не интересовала его и оцѣнка жизни Доріана, но оцѣнка исключительно эстетическая, была выражена гораздо раньше самимъ лордомъ Генри. Неожиданно для себя толкнувъ Доріана оболещеніями своей проповѣди на преступленіе, онъ выносить и приговоръ ему:

„Всякое преступленіе пошло, точно также, какъ и всякая пошлость—преступленіе“...

Не возникаетъ-ли какая-то глубокая связь между этимъ приговоромъ и словами того же лорда Генри, сказанными по поводу смерти Сибиллы Вэнъ:

„Для васъ она была всегда лишь грезой, видѣніемъ, пронесившимся въ трагедіяхъ Шекспира и дѣлавшимъ ихъ прекраснѣе своимъ присутствіемъ... въ тотъ моментъ, когда она коснулась дѣйствительной жизни, она искалѣчила эту жизнь, искалѣчила себя, а потому она и ушла изъ нея“...

Vita nuova, жизнь—искусство, жизнь—творчество, въ которой господствовалъ бы утонченный инстинктъ красоты, не объ этомъ-ли мечталъ Генри—Уайльдъ и не этимъ-ли инстинктомъ регулировалъ свою жизнь Доріанъ?

И что же?

Прозрѣніе художественнаго человѣка, что за всѣмъ прекраснымъ, что когда-либо существовало, всегда было нѣчто трагическое и что для расцвѣта даже самыхъ заурядныхъ цвѣтовъ нужны муки цѣлыхъ міровъ, въ дѣйствительной жизни осуществляется, какъ оскорбительное и ненужное убійство Доріаномъ художника.

Но если суровый паладинъ красоты во имя ея прошелъ успокоенный мимо смерти блѣдной, грустной дѣвушки Сибиллы Вэнъ только потому, что смерть эта была прекрасна, то не онъ-ли вынесъ приговоръ и преступленію Грея?

Или воистину греза, касаясь дѣйствительной жизни, калѣчить и эту жизнь, и себя?..

Вы помните слова Сибиллы Вэнь, спящей царицы, пробужденной къ жизни поцѣлуемъ Прекраснаго Принца, Сибиллы Вэнь, которой еще такъ недавно призраки казались реальностью,—помните-ли вы ея слова, обращенныя къ Доріану, котораго назвала она *царемъ жизни*:

„Вы открыли мнѣ, что такое дѣйствительность; я устала отъ призраковъ... Къ чему мнѣ маріонетки кукольныхъ комедій“?

Вотъ они побѣдныя слова того новаго Евангелія, которое совершенствуется только въ границахъ дѣйствительнаго опыта, вотъ онъ порогъ новой жизни, жизни—искусства...

Грядутъ творческія радости творимой жизни...

Но откуда же этотъ мрачный, глубоко символическій трагизмъ, витающій надъ вѣчно юнымъ лицомъ Прекраснаго Принца, откуда эти трагедіи, приближающіяся къ нему поистинѣ въ пошлыхъ отрешкахъ дѣйствительности?

Зачѣмъ тамъ, въ сторонѣ, стоитъ лордъ Генри со своей скептической улыбкой, зачѣмъ онъ здѣсь со своимъ философскимъ созерцаніемъ?

Только что на жертвенникъ жизни, этого высшаго изъ искусствъ, были принесены другія искусства, а до насъ доносятся уже звуки тоскующей мессы и у жертвенника во славу художества жизни распростерта Сибилла Вэнь, убитая Греза, возмечтавшая о воплощеніи.

И размалеванныя декорации снова, какъ прежде, становятся цѣлымъ міромъ, а Беатриса и Порція перестаютъ быть маріонетками кукольныхъ комедій.

И снова оживаютъ видѣнія, и снова призрачные образы Великаго Отрѣшеннаго Искусства творятъ новый міръ несказанной красоты, эстетическое очарованіе котораго въ томъ, что между нимъ и міромъ реальныхъ фактовъ—глубочайшая пропасть.

Въ порывѣ своемъ къ *vita nuova* и въ „De Profundis“ остался Уайльдъ вѣрнымъ рыцаремъ Грезы своей, предтечей восторженнымъ предустановленнаго въ Евангеліи его.

Когда-то казалось, что въ наслажденіи—творчество жизни, теперь же наслажденіе дѣлаетъ „слѣпыми глаза и гаситъ желанія“. „Гаситъ желанія“, но кажется, будто эти слова упали съ грѣшныхъ, прекрасно-алыхъ, устъ Доріана Грея...

И если „Портретъ Доріана Грея“ былъ написанъ въ томленіи по фантастическимъ мірамъ, полнымъ всего чудеснаго, то апологія страданія была продиктована ему желаніемъ въ страданіи найти путь къ реализаціи того, что

создано было его мощнымъ и пламеннымъ воображеніемъ, воображеніемъ фантаста-художника.

Черезъ страданіе—путь къ жизни творимой, „когда факты будутъ считаться чѣмъ-то постыднымъ, истина пригорюнится въ своихъ оковахъ, а поэзія со своими сказками снова вернется на землю“...

И когда въ безвѣрїи своемъ все же склоняется онъ въ восторженномъ благоговѣнїи передъ Христомъ, склоняется онъ передъ Великимъ Художникомъ, превратившимъ жизнь Свою въ великолѣпную художественную поэмю. И когда такъ вдохновенно, въ прозрѣнїи своего критическаго гения, говоритъ онъ объ этой поэмѣ, говоритъ онъ между прочимъ, что сущность всѣхъ малыхъ увѣщаній Христа въ томъ, чтобы сдѣлать каждое мгновеніе красивымъ,—не повторяеть-ли онъ только то, что легло въ основу его повѣсти?

Въ тюремномъ заключеніи, когда пишетъ Уайльдъ поэмю своего смиренія, бросаетъ онъ одну очень опасную мысль:

„Вы видите теперь, *куда* приводитъ жизнь художника“?

Что же этимъ хочетъ сказать безумный Оскаръ?

Не думаетъ-ли оправдать этотъ „кающійся грѣшникъ“ свое тюремное заключеніе или быть можетъ оправдываетъ онъ и жизнь Доріана, его „бездушный и преступный гедонизмъ“?

Вѣдь, нѣсколькими строками выше бросаетъ онъ другую, не менѣе опасную мысль:

„Люди, которые заботятся о воплощеніи своего собственнаго я, никогда не знаютъ *куда* это приведетъ ихъ“.

А еще выше пишетъ онъ, что Христосъ усмотрѣлъ въ грѣхѣ нѣчто прекрасное и священное само по себѣ, какъ ступень къ совершенству.

О, да, вѣдь, это же только лордъ Генри могъ бросать *такіе* парадоксы!

И въ „De Profundis“ въ книгѣ ложнаго смиренія, того смиренія, которое является для него, вопреки всѣмъ нашимъ привычнымъ взглядамъ, только художественнымъ переживаніемъ, не мало опасныхъ мыслей.

Но, вѣдь, всѣ великія мысли опасны, а Уайльдъ слишкомъ фанатикъ великихъ мыслей, чтобъ, избѣгая опасности, отказаться отъ нихъ. И, быть можетъ, напиши онъ новую повѣсть, въ которой лордъ Генри повторялъ бы „смиранные“ теперь парадоксы Уайльда, а новый Доріанъ воплощалъ бы ихъ въ жизнь, трагизмъ повѣсти усилился бы и „новая“ эстетическая мораль Уайльда носила бы еще болѣе разрушительный характеръ, чѣмъ прежняя гедонистическая мораль Доріана Грея.

Трудно было ожидать, что напишетъ

вдруг Уайльдъ „трактать“ о социализмѣ, но это случилось, ибо написалъ онъ статью „Душа человѣка при социалистическомъ строѣ“ и ею создалъ новую страницу своего Евангелія.

Утвержденіе социализма,—не это-ли также, какъ и „De Profundis“ заставило общественное мнѣніе примириться съ Уайльдомъ, не это-ли заставило заподозрить въ немъ того художника, у котораго есть „маковые и медовые пряники, чтобы насытить ими чудовище или усыпить его“, какъ писалъ самъ Уайльдъ, говоря о пріятныхъ для общественнаго мнѣнія художникахъ *).

Такова ужъ участь этого обольстительнаго дэнди, участь нравиться всѣмъ и всѣхъ за даривать своими отравными орхидеями.

Но не Доріанъ-ли Грей, уставшій перебирать своими бѣлыми, какъ лиліи прекрасными, руками нѣжно струящіяся то золотистыя, то радужныя ткани въ сумракѣ своего кабинета, не онъ-ли, движимый интеллектуальнымъ любопытствомъ погрузился въ созерцаніе той „соціальной“ утопіи, которую создавало его пламенное воображеніе и которую назвалъ онъ „Душа человѣка при социалистическомъ строѣ“? Здѣсь такъ много мыслей, внушенныхъ ему лордомъ Генри...

— Бѣдняки? но, вѣдь, это ужасно, среди нихъ нѣтъ ни изящныхъ манеръ, ни изысканной рѣчи, ни цивилизаціи, ни культуры, ни утонченныхъ наслажденій, ни радостей жизни.

Къ тому же, продолжаетъ думать, о, это навѣрное думаетъ Доріанъ, вѣдь, собственность для имѣющихъ ее—настоящая язва, настоящая обуза, „приходится безпрестанно слѣдить

*) Еще не такъ давно г-жа Ортодоксъ, прельстившись ролью литературнаго критика, публично стащила съ Уайльда смокингъ и облачила его въ цвѣтную рубаху; пыталась также она разъяснить и Уайльдовскую орхидею, намекая мечтательно на достоинства гвоздики красной.

На путь сомнительныхъ выводовъ сталъ и г-нъ Чуковский, который утверждаетъ, что мы, русскіе, открыли сердца Оскару Уайльду только тогда, когда услышали отъ него гимнъ о счастьѣ страданія, только тогда, когда стали молиться онъ бѣлоснѣжному Христу. Но Уайльдъ, какъ апологетъ „страдальчества“, и бѣлоснѣжный Христосъ изъ Россіи,—это-ли не величайшая критическая безтактность?

А г-нъ Аничковъ сѣтуетъ даже на то, что за Уайльдомъ не установилась репутація социалиста.—Уайльдъ за чтеніемъ „Капитала“? Даже волосы становятся дыбомъ,—признается критикъ, но все же... все же „социализмъ его манить“.

Трагедія искупленія, такъ называется Аничковъ настроеніе, породившее „De Profundis“, ибовъ „De Profundis“ сказано „сердца для того и сдѣланы, чтобы быть сломленными“, но развѣ не о сломленныхъ сердцахъ говорить и „Портретъ Доріана Грея“?

При знакомствѣ съ Уайльдомъ требуетъ разрѣшенія не диллема между религіей счастья и религіей Страдающаго Бога (опять бѣлоснѣжный Христосъ!), ибо единая религія была у Уайльда, религія красоты,—а иная диллема: художество жизни или отрѣшенное искусство?

за всѣми дѣлами, безпрестанно хлопотать, безпрестанно быть озабоченнымъ“. Не лучше-ли и не проще-ли отказаться отъ всего этого, отказаться отъ собственности, это, кажется, и называется социализмомъ?

А дальше почти что цитата изъ популярной брошюры: „Въ настоящее время машина конкурируетъ съ человѣкомъ, при нормальныхъ условіяхъ жизни машина будетъ служить человѣку“. Ну да, машина будетъ служить человѣку, машина будетъ производить „все“, и тогда не нужно будетъ работать; вѣдь, гораздо же труднѣе, а главное гораздо выше нѣе ничего не дѣлать и посвятить себя искусству.

Машина будетъ производить *все*, люди перестанутъ быть работниками и станутъ... художниками, и тогда, тогда навѣрное всякая рѣчь станетъ изысканной, а всѣ наслажденія утонченными.

Въ этой статьѣ, столь неожиданной для Уайльда по своей темѣ, социализмъ, сочиненный чисто по Уайльдовски, приносится въ жертву все той же религіи индивидуализма, которая обезпечиваетъ расцвѣтъ искусства; недаромъ статья о социализмѣ превращается въ статью объ искусствѣ, въ апологію новаго индивидуализма, который дастъ возможность художнику „стать особнякомъ, спрятаться подъ защиту стѣны“.

Недурно звучитъ это—„спрятаться подъ защиту стѣны“ въ устахъ социалиста. И всю свою статью посвятилъ онъ созиданію этой спасительной стѣны...

— Будущее—это художники! восклицаетъ Уайльдъ.

Но если часто писалъ онъ, что вершина индивидуализма—искусство, то какъ хотѣлось ему, чтобъ ею было творчество жизни.

Безудержный, сумасбродный искатель неизвѣданнаго, возмечталъ онъ о наивысшемъ, о томъ, чтобъ очарованіе Обѣтованной Земли, созидаемой искусствомъ, было очарованіемъ нашей реально существующей земли.

И о чемъ бы ни писалъ онъ, въ какихъ бы проулкахъ дѣйствительности не плуталъ, развѣ не вѣчно томился онъ мечтою о жизни-искусствѣ?

Развѣ не вѣчно маячилъ передъ нимъ образъ блѣдной, грустной дѣвушки Сибиллы Вэнъ и въ городскихъ шумахъ развѣ не слышалъ онъ зова ея, сошедшей съ подмостковъ и ищущей безумными отъ страсти къ жизни глазами Прекраснаго Принца?

Но не напрасно-ли было ея пробужденіе? Безкровныя губы Сибиллы Вэнъ, обожженные поцѣлуемъ Царя Жизни, перестали сплетать узоры красивыхъ словъ и обаяніе Беатрисы померкло въ погасшихъ огняхъ театральной рампы. А тамъ, за театральной

занавѣсомъ въ маленькой, жалкой уборной не грозилъ-ли художнику призракъ убійственно-скучнаго логизма жизни?..

Но все же не увядали слова молитвы на устахъ апостола новаго Евангелія, упоеннаго отравами орхидей, взлелѣянныхъ имъ въ мѣрѣ творческаго вымысла, и незакрытою осталась въ уединенной часовнѣ фантаста книга утопическихъ мечтаній его...

Викторъ Ховинъ.

ИНСЦЕНЫ „ТЕАТРА ДЛЯ СЕБЯ“ *)

Объ инсценировкѣ воспоминаній.

Показать „длинный носъ“ всесокрушающему Времени!—чортъ возьми, развѣ это не великая радость для каждой жертвы его насилія и грабежа!

„Отдай назадъ!“—кричить порой нашъ возмущенный духъ стремительному Времени, этому истому виновнику нашихъ тяжкихъ утратъ, этому безжалостному хищнику нашихъ самыхъ счастливыхъ минутъ!.. И что за напряженье воли въ этомъ крикѣ! И что за иронія звучить тогда во мнѣнїи, что „время лучшей лѣкаръ“!..

Забвенье прошлаго? *счастливаго* прошлаго?! Ни-ко-гда!—говорить наша гордость. Ни-ко-гда!—плачетъ наша жалость. Не отдадимъ, не отдадимъ этого прошлаго Проходимцу-Грабителю! Вырвемъ его всей силой нашего воспоминанья изъ пучины забвенья, куда стремится свергнуть его постылое Время!

Слава Создателю, давшему намъ *память*!.. Съ этимъ крючковатымъ оружіемъ наша власть преображенья есть подлинная власть надъ Временемъ! и не допустить эта власть, чтобъ миновали для насъ, если мы не хотимъ, наши „славные дни Аранжуэца“!

Право сильнаго?—Мы еще посмотримъ, кто сильнѣе: Время или Я со всей памятью и магіей преображенья.

Трижды благословенъ *театръ воспоминаній*, превращающій прошлое въ настоящее, бывшее въ сущее, „нѣтъ“ въ „есть“.

Я хохочу въ лицо злому Времени-сокрушителю!—Въ своемъ „театрѣ для себя“ я съ наслажденіемъ ему доказываю, что доколѣ я живъ,—дотолѣ ничто не умретъ для меня! ничто *не можетъ* умереть въ границахъ моего хотѣнья, въ границахъ силы моей памяти, въ границахъ магіи моего преображающаго духа!

*) Печатающіяся здѣсь инсцены будутъ включены въ третью часть—практическую—книги „Театръ для себя“, первая часть которой—теоретическая—уже выпущена въ свѣтъ.

И я счастливъ, и я правъ, называя свой театръ „Театромъ воскресенья“.

Подлинно *воскресный* театръ—мой театръ воспоминаній! И какъ-же я мудръ, и какъ-же я силенъ, если побѣда моя—побѣда надъ Временемъ! если въ мокрой отъ слезъ десницѣ моей вырванная у него, проклятаго великана, добыча!

Въ самомъ дѣлѣ!

Пусть уже нѣсколько лѣтъ, какъ нѣтъ моего милаго друга. Пусть Время принесло раннюю смерть моему милому, бѣдному другу.

Его нѣтъ.

Но есмь азъ! Азъ, мудро знающій, что другой, въ его главнѣйшемъ *для меня*, ничто иное, какъ одно изъ представлений *моего* сознанія. А если такъ, то представленіе о моемъ другѣ, *мое представленіе*, никогда не уйдетъ отъ меня, доколѣ я живъ, т. е. доколѣ я помню! (ибо поистиннѣ мертвъ чловѣкъ въ своемъ прошломъ, лишенный чаръ памяти!).

Обратить-же мнемоническое представленіе въ представленіе живой дѣйствительности можно только чрезъ театръ, т. е. чрезъ *искусство инсценировки* памятныхъ моментовъ изъ купной жизни нашего „я“ съ „я“ похищеннаго Временемъ.

При такихъ инсценировкахъ главное для режиссуры этого рода „театра для себя“ состоитъ въ томъ, чтобы по возможности воспроизвести (оживить) всѣ тѣ обстоятельства, при какихъ имѣло мѣсто *особенно памятное* для васъ общеніе съ исчезнувшимъ.

Прежде всего обычные *часы* вашихъ свиданій съ нимъ, бесѣдъ, занятій. (Время года? вечеромъ или днемъ? Наболѣе выгодно для инсценировки время призрачныхъ сумерекъ и вечеръ).

Затѣмъ—обычное *мѣсто* вашего общенія (Предпочтительно для инсценировки—у васъ, въ вашей квартирѣ, гдѣ вы, будучи полновластнымъ „хозяиномъ сцены“, вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣй находите и лучше знаете имѣющую ближайшее отношеніе къ инсценѣ мебель и прочую „бутта-форію“).

Далѣе: *освѣщеніе, температура* помѣщенія, чѣмъ *пахло* въ комнатѣ „тогда“, (табачнымъ дымомъ? крашеной печкой, недавно затопленной? духами? Какими духами душился вашъ другъ „тогда“? вы сами? и пр.).

Если сохранился костюмъ, въ которомъ вы обыкновенно проводили съ „нимъ“ время,—одѣньте его.

Если можно достать тѣ газеты, журналы и книги, что занимали васъ въ то время,—положите ихъ на то мѣсто, гдѣ они „тогда“ лежали.

Особенно дѣйствительна въ инсценировкѣ воспоминаній *музыка*. Вашъ другъ, даже если и не былъ особенно музыкаленъ, тѣмъ не менѣе да любилъ какую-нибудь пѣсенку или танецъ. Вспомните, *что* онъ насвистывалъ или напѣвалъ себѣ подъ носъ, а если былъ музыкаленъ,

то какое произведение серьезной музыки (какого автора?) ему особенно нравилось.

Все, даже *самое пустячное* изъ связаннаго съ воспоминаніемъ о „немъ“, *имѣетъ огромное значеніе* для данной инсценировки.

Вѣдь обращеніе „момента прошлаго“ въ „моментъ настоящаго“ возможно только при такой инсценѣ, во главѣ угла которой положенъ строгій до послѣдней мелочи, въ своей психологической предустановленности, *ассоціативный методъ*. Поэтому порой отъ, такъ сказать, второстепеннаго зависить здѣсь главнѣйшее, т. е. въ концѣ концовъ *оживленіе до полной иллюзіи* какъ-бы „существующаго въ настоящемъ“ того, о чемъ ненагрѣтая ассоціативной инсценированной памяти говоритъ намъ какъ о „существующемъ въ прошломъ“.

Наше „я“,—учить Анри Бергсонъ,—не можетъ снова пройти сквозь прежнія свои состоянія, потому что сознаніе подобно потоку, постоянно увеличивающемуся и никогда не возвращающемуся къ своимъ истокамъ. „Не наше настоящее *я*,—говоритъ онъ,—возвращается къ прошедшему, чтобы найти въ немъ событія, о которыхъ оно желаетъ вспомнить. Напротивъ, наше прошлое, слѣдуя естественному наклону нашей психической жизни, спускается до нашего настоящаго. Иначе сказать, для того, чтобы вспомнить, мы должны покинуть наше настоящее состояніе сознанія и *передѣлать его наподобіе прошлаго*“.

Этимъ-же самымъ, т. е. *передѣлкой* настоящаго въ прошлое, но уже не духовно, а *материально*, и должна быть ближайше занята режиссура при инсценировкѣ воспоминаній.

Я не буду въ подробностяхъ, отъ альфы до омеги, указывать весь ходъ такой инсценировки: здѣсь слишкомъ многое зависить отъ субъективнаго такта, памяти, силы воображенія и пр. Мое дѣло—только обратить вниманіе на сладостную возможность такой инсценировки при условіи воссозданія максимальнаго количества данныхъ ассоціативнаго значенія, относящихся къ тому или иному воспоминаемому образу или событію.

Мы не боги:—мы не въ состояніи воскресить самого мертваго. Но мы чуткіе къ себѣ, искусные, а главное вдохновенно-волящіе режиссеры:—мы можемъ воскресить (воскресить *для себя*) всѣ тѣ условія, которыя въ опредѣленной комбинаціи, и именно точно-такой, какая имѣла мѣсто въ тотъ или иной моментъ нашего общенія съ покойнымъ, дадутъ въ результатъ *иллюзію его живого присутствія съ нами*.

Большаго мы не можемъ, но... можетъ быть большаго намъ и не нужно!

Вы всетаки хотите примѣры?..

Но развѣ вы *во снѣ* не инсценировали уже общеніе съ покойнымъ, какъ съ живымъ? Или вы изъ тѣхъ, кто сейчасъ-же забываетъ видѣн-

ный имъ сонъ? Но этого не можетъ быть! а если-бъ было, то съ такой памятью вамъ не зачѣмъ и браться за инсценировку, всю основанную на хорошей памяти! вѣдь вы, въ такомъ прискорбномъ случаѣ, не вспомните, пожалуй, и самыхъ чертъ покойнаго!

Но вы всетаки хотите хоть какого-нибудь примѣра, „какъ это дѣлается“?

Хорошо. Я вамъ расскажу такой случай.

Одна дама, довольно пожилая, безмѣрно любившая своего покойнаго мужа, такъ инсценировала отдѣльные моменты воспоминаній о немъ:

1) вѣшала передъ собой, старательно расправивъ, старый, сохранившій всѣ характерныя выпуклости, изгибы и складки, „его любимый халатъ“;

2) ставила около себя его обувь и фуражку, предварительно согрѣвъ ихъ надъ огнемъ, чтобы они дали „запахъ покойнаго“;

3) въ этихъ-же цѣляхъ заставляла куриться на уголькахъ любимый табакъ покойнаго (сама она была некурящей);

4) одновременно съ этимъ штопала носки своего мужа или набивала ему папиросы (утромъ выпускала заштопанное, а папиросы частью вытряхивала, частью раздаривала);

5) не садилась обѣдать дома, если не былъ поставленъ *vis a-vis* „его приборъ“ съ „его салфеткой“ въ кольцѣ, бывшей уже въ „его употребленіи“, „графинчикъ водочки“ и рюмка („а вдругъ придетъ!—опять опоздалъ сегодня! навѣрно къ Ивану Алексѣвичу забѣжалъ и застрѣлъ по обыкновенію“);

6) пѣла старческимъ голосомъ, въ почти совершенно темной комнатѣ, неприличную французскую пѣсенку, которую такъ любилъ покойный; при этомъ воображала, что „онъ“ лежитъ на диванѣ за ея спиной и курить (въ комнатѣ было всегда надымлено „его табачищемъ“; „проволялъ, батюшка, всю комнату,“ какъ любила она, шутя, выговаривать ему при жизни);

7) ложась спать, гадала „на него“, читала его письма къ ней, заботливо оправляла „его постель“ и крестила „его подушку“ („завинтился, соколикъ! опять завтра съ головной болью проснется! охъ, Иванъ Алексѣвичъ, и достанется-жъ вамъ завтра отъ меня“).

Въ сущности говоря, онъ никогда не былъ умершимъ въ ея глазахъ; она только рѣдко его видѣла теперь (все больше во снѣ). На могилу его она никогда не ѣздила („Какая тамъ могила?—онъ еще меня переживетъ!“). Съ Ивановымъ Алексѣичемъ говорила о „немъ“, какъ о живомъ, воображая, что онъ въ командировкѣ. Умирая (она недавно скончалась) очень плакала, что смерть застанетъ ее въ „его отсутствіе“.

Многіе считали ее сумасшедшей. Я полагаю, что это такой-же вздоръ, какъ и „паранойа“ Людовика II-го Баварскаго. Просто эксцессивный „театръ для себя“, дающій яркій примѣръ дли-

тельно-затяжной, фанатической, въ своей идеальной педантичности, инсценировки воспоминаній.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду труднѣйшій случай, а именно *полное* похищеніе Временемъ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (говорю „одного изъ“, а не просто „главнаго дѣйствующаго“, потому что всякое воспоминанье о другомъ есть въ сущности воспоминанье *о себѣ самомъ въ отношеніи къ другому*. Это надо твердо усвоить каждому режиссеру подобной инсценировки, такъ какъ въ противномъ случаѣ, т. е. привнесеніемъ въ нее элементовъ объективныхъ, можетъ создаться нежелательная путаница въ долженствующемъ быть елико возможно простымъ, необремененнымъ и не разсѣивающимъ вниманія сценическомъ актѣ чисто субъективныхъ мнемоническихъ переживаній).

Болѣе частый, быть можетъ, и менѣе „трудный“ случай для инсценировки воспоминаній представляется, пожалуй, при желаніи *подробно пережить именно себя самого* (одного или съ кѣмъ либо вмѣстѣ) *въ прошломъ*; въ юности, напримѣръ.

Этотъ видъ инсценировки намъ уже извѣстенъ до нѣкоторой степени изъ словъ и слѣдующихъ имъ поступковъ—„тряхнуть стариной“, „вспомнить молодость“ и т. п.

Продѣлать это удовлетворительно для нашего противоборствующаго Времени духа преображенія можно, разумѣется, только при соблюденіи вышперечисленныхъ мною ассоціативныхъ данныхъ.

Для общаго заключенія считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя, что „театръ воспоминаній“ въ длительности своей, можетъ ограничиваться даже *полъ-секундой!*—Вѣдь главное въ немъ—дать моментъ, хотя-бы *одинъ моментъ* осознанія прошлаго, какъ настоящаго! Не надо быть жаднымъ во времени тамъ, гдѣ весь актъ представляетъ собою ничто иное, какъ борьбу съ ненавистнымъ намъ Временемъ! (Надѣюсь, въ этомъ случайномъ каламбурѣ, несмотря на весь его диалектическій вывертъ, достаточно убѣдительно!)

Разумѣется сказанное не исключаетъ необходимости для такого „полусекунднаго театра“ порой недѣльной и даже мѣсячной *подготовки*; напримѣръ, тенденціозно-внушительнаго подбора и разсматриванія имѣющихъ ближайшее отношеніе къ задуманной инсценѣ фотографическихъ карточекъ, писемъ, рисунковъ, дневниковъ и прочихъ предметовъ, ничтожныхъ въ отдѣльности, но властныхъ вкупѣ дать приблизительно то-же, что даетъ смѣшеніе безсильныхъ въ отдѣльности химическихъ элементовъ-*мнемоническій взрывъ*.

Поученія, къ обрядамъ относящіяся.

1.

Когда ты идешь на свадьбу друга, сдѣлай лицо свое розовымъ, а волосы блестящими.

Выпей немного, потому что умѣстны масляные глаза, когда смотрять на мужчину и женщину, хотящихъ раздѣлить ложе.

И пусть губы твои будутъ пунцовыя, полуоткрытыя и улыбающіяся завистливо-дружественно.

Надушись чѣмъ-нибудь пріятнымъ, прянымъ, нѣжащимъ и возбуждающимъ.

Будь громокъ, и если начнутся танцы, пляши такъ рѣзво и съ такимъ задоромъ, чтобы невѣста и черезъ сто лѣтъ не забыла, какая веселая вышла свадьба.

Къ обряду вѣнчанія отнесись съ уваженіемъ, какое пристало умницѣ, благодарному тѣмъ, кто установилъ его и тѣмъ, кто сотни лѣтъ держался его, ибо что-же другое, какъ не обрядъ украшаетъ жизнь и даетъ таинству всю его видимую прелесть!

Будь вѣрующимъ, если можешь! Притворись имъ, если не можешь!—а то нѣсть для тебя *праздника* дѣйства, свадьбой имянуемаго.

Не бойся быть шутомъ, ибо гдѣ-же и мѣсто колпаку шута, какъ не на сборищѣ гостей, около спальни брачующихся!

Пускай въ ходъ всякія шутки, какія только знаешь, и даже тѣ, какія не знаешь, тоже пускай въ ходъ!—еще смѣшнѣе выйдетъ, если ничего не выйдетъ,—а невѣста лишній разъ улыбнется.

Но если тебя позвали, какъ лицо почтенное, сановитое,—помни, что достоинствомъ своимъ освятить долженъ праздникъ.

А потому держись важно и гордо, неприступно и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно.

Будь веселъ, но ходи, какъ павлинъ, говори медленно и если чуть хворымъ представишься, это тоже кстати:—люди еще больше заважаютъ жениха съ невѣстой!—моль и важный такой, и сановитый, и даже какъ будто хворый, а вотъ пріѣхалъ на свадьбу, не пожалѣлъ себя!..

И будетъ еще бѣлая честь жениху съ невѣстой.

А кому-же и честь со славой, какъ не брачующимся, на людяхъ другъ другу слово дающимъ жить вмѣстѣ во любви и дѣтей зачинать въ минуты восторга передъ Богомъ и другъ передъ другомъ!

Держись-же спѣсиво, но ласково, чтобы всѣмъ видно было, что и ты сей союзъ одобряешь.

Если ты богатый, сдѣлай подарокъ!

Совѣтую потому, что подарокъ даетъ возможность сказать хорошія слова приподнято-прочувствованнымъ тономъ, сдѣлать нѣсколько красивыхъ жестовъ благожеланія, поклониться, расшаркаться, словомъ присовокупить къ свадебному обряду *дарственный обрядъ*, лично отъ тебя зависящій.

Между нужнымъ, но безъ „вида“ и ненужнымъ, но „виднымъ“, предпочти послѣднее.

И если это цвѣты, то дай и имъ молчаливо сыграть символическія роли!

А для этого возьми маргаритки, если невѣсту зовутъ Маргаритой, розы, если ее зовутъ Розой, георгины, если жениха ее зовутъ Георгіемъ, примѣшай къ нимъ Иванъ да Марью (неразлучные-сь!), подснежники—символь юности, флеръ-д'оранжъ—символь дѣвственности, миртъ—символь мира и любви, иммортель—символь вѣчности союза, златоцвѣтъ—символь богатства,—и у тебя получится чудесный букетъ, гдѣ цвѣты, умершіе для клумбъ и полей, ожили для „идеи“, чтобы разыграть иносказательное представление.

Захоти только театра, а актеры найдутся!—цвѣты, такъ цвѣты,—за чѣмъ дѣло стало?

II.

Когда-же соберешься на похороны друга, сдѣлай лицо свое бѣлымъ, а волосы тусклыми.

Проникнись сознаниемъ, что хоронять не пса, не скотину, не падалъ, а человѣка, т. е. *Актера*.

Всю жизнь игралъ онъ роль, игралъ для себя, для другихъ, и теперь, когда онъ уходитъ со сцены, уходитъ совсѣмъ въ таинственную тьму кулисъ, почти его, какъ подобаеъ почитать Актера.

Купи вѣнокъ, ибо что-же другое, какъ не вѣнокъ, принести Актеру послѣ представленія!

Купи вѣнокъ, говорю я, и напиши на лентѣ слова, достойныя Актера и его труднаго искусства.

Не плачь!—это пристало „бабамъ“ и „мѣщанамъ“. Рыдай, если глубоко потрясенъ!—Молчи, сжавъ губы, если знаешь, что представленью даже лучшаго Актера долженъ наступить неизбѣжный конецъ.

Одѣнься съ утра соотвѣтственно случаю, нарядно, но просто, въ изысканно-черное!

Не забудь крепа на рукавъ, на головной уборъ, на фонари твоего экипажа. Вспомни прощальный бенефисъ незабвеннаго въ исторіи Макрэди и прекрасныя слова, что внушилъ трауръ его въ этотъ день благородному англичанину Джону Льюису:—„крепъ на его шляпѣ и черныя манжеты!—они показались мнѣ болѣе трогательными и полными грусти, чѣмъ весь этотъ взрывъ сочувствія; они заставили меня забыть румяны и шумную восторженность, ложъ и блестящи въ жизни актера и вспомнить, что

этотъ человѣкъ былъ намъ ближній и наравнѣ съ нами дѣлилъ горе, которое мы испытали или должны испытать“.

Держись скорбно-величественно, такъ, какъ будто тебя самого погребають.

Не говори словъ жалкихъ и ненужныхъ, если хочешь утѣшить родныхъ покойнаго и почитать память друга.

Встань лучше въ достойную случая позу на краю свѣжей могилы и скажи рѣчь, полную мудраго знанія сцены, техники сказа, значенія паузы,—рѣчь о послѣднемъ преобразеніи всякаго Актера.

Послѣ нея ты уйдешь, не спѣша, съ похоронъ, съ полнымъ сознаниемъ исполненнаго долга, послѣдняго долга передъ умершимъ Актеромъ.

И пусть на лицѣ твоёмъ будетъ такъ ясно и просто написана печаль, чтобы даже у послѣдняго школьника, встрѣтившагося тебѣ на улицѣ, не явилось желанія спросить о причинѣ печали твоей, и если это гимназистъ,—пусть выраженье глазъ твоихъ напомнить ему безсмертный стихъ изъ Энеиды: „*Infandum, regina, jubes renovare dolorem*“!..

III.

Свадьба и похороны!

Вотъ два обряда—самый веселый и самый грустный!

Между ними всѣ остальные.

Помни, что весь ихъ смыслъ для тебя въ „театрѣ для себя“, полномъ освѣжающаго душу дѣйства; театръ, гдѣ все главное отъ человѣка и его преобразующей воли!

Ибо что значили-бъ иначе на вѣсахъ Актера то-же соитіе мужчины и женщины и то-же закапыванье въ землю трупа? Въ чемъ иначе отличіе человѣка отъ скота? Подумай, подумай!

Какъ держаться на прочихъ обрядахъ, ты и самъ теперь поймешь.

Знай лишь, что въ обрядѣ — „театръ для себя!“ или это не *обрядъ* для тебя, а пустая формальность.

Не противься-же дикарской волѣ все „дѣлать своимъ“ или ты проживешь нищимъ и нищимъ умрешь.

Свадьба и похороны!

Что въ нихъ главнаго общаго для тебя и твоей преобразующей воли?

Твое *присутствіе*.

Вникни въ это понятіе!

Можно *быть* гдѣ-нибудь и вмѣстѣ съ тѣмъ *не присутствовать*.

Ты видѣлъ сборища людей, гдѣ не знаешь, кто *пришелъ* и кто *попалъ*?

Ты слышалъ, какъ эти люди, которые минуту тому назадъ словно были здѣсь и не были, оглашаютъ вдругъ воздухъ мощнымъ пѣніемъ гимна?

Чѣмъ ты потрясенъ тогда? чѣмъ обрадованъ? чѣмъ очарованъ?..

Присутствіемъ.

Можетъ быть они и скверно поютъ, и совсѣмъ это не такъ кстати и грубый шовинизмъ владѣтъ ихъ сердцами, и обидно это тебѣ—чужеземцу!..

Но ты взволнованъ и взволнованъ прекрасно: —сказалось *присутствіе* множества, тебѣ безразличнаго въ роли сущаго, но отнюдь не безразличнаго въ роли присутствующаго.

Ибо присутствіе, въ нарочитости своей, уже театр! они уже актеры, а ты зритель! они уже не просто „какіе-то“, а *присутствующіе*.

И вотъ на свадьбу-ли, на похороны-ли ты лучше не ходи совсѣмъ, если не хочешь стать прежде всего присутствующимъ.

Зѣвакъ много, и не въ нихъ нуждаются друзья твои, а въ присутствующихихъ.

Будь имъ, ибо присутствующій это уже *играющей роль!*

Правда, небольшая это роль, но вѣдь въ ней, помимо прочаго, радость „театра для себя“!

Такъ будь же прежде всего *желаннымъ присутствующимъ*, а остальное приложится.

Н. Евреиновъ.

ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ НЕОЖИДАННОСТИ.

Хорошо когда въ желтую кофту
Душа отъ осмотровъ укутана..
Владиміръ Маяковскій.

I.

Зычно трубить призывъ свой Н. Н. Евреиновъ.

«Тра-та-та!

Звените мои бубенчики!»...

Шумлива восторженная книга его «Театръ какъ таковой» и шумъ ея захлестываетъ читателя, опомниться не даетъ.

Звонкая труба оглушаетъ.

Гдѣ ужъ тутъ до истины?

Къ чорту истину, къ чорту полутона!

Ужели остановиться тамъ, гдѣ развернулась такая блестящая, такая дурманящая фантазмагорія?..

Ну-ка подхлестните свою фантазію, подхлестните свою волю къ жизни, вы, потерявшіе вкусъ къ ней, ибо театральностью обѣщана вамъ новая Земля, лучшая, чѣмъ окружающій васъ міръ,—міръ реальныхъ фактовъ и обстоятельствъ.

Да бросьте же свою скучную логику, глупые люди, повѣрьте этому апостолу въ развеселыхъ ризахъ гаера, повѣрьте ему, захлебнитесь въ радостяхъ его оболещеній, захлебнитесь въ его «тра-та-та»!

Ахъ, не хотите?

Вамъ мало трубнаго гласа этой книги, такъ нате же вамъ другую. И зазвенѣли теперь бубенцы «Театра для себя».

Вы не повѣрили раньше, что человѣку присущъ инстинктъ преображенія, инстинктъ театрализации жизни, вы не повѣрили, что въ вашей волѣ преобразить свое жалкое существованіе въ необычайной красоты дѣйствіе, такъ вотъ—теперь театръ ужъ не только инстинктъ, одинаковый инстинкту самосохраненія, половому и проч.

Нѣтъ, театръ—Всемагнитъ и Всемоторъ!

Не хотѣли инстинкта, такъ вотъ вамъ театрократию, абсолютное господство театра надъ нами.

Ничего внѣ театра, все театръ! Вотъ альфа и омега бытія.

И только хлѣбу сдѣлана уступка, да и то потому, что безъ хлѣба нѣтъ «физической возможности воспринимать зрѣлище».

А на помощь призваны цитаты,—цитаты изъ писателей, поэтовъ, ученыхъ, философовъ, педагоговъ, отчетовъ попечительствъ о малолѣтнихъ преступникахъ, мемуары, письма и т. д., и т. д., безъ конца.

Все преувеличено, преувеличено безбожно, выхвачено, подчеркнуто.

Истина?

Къ чорту истину!

Ужели и на этотъ разъ не захлебнетесь?..

Однако, и я, захлебнувшійся, начинаю пугаться: а что если и впрямь вдовы по рецепту, даваемому Евреиновымъ, въ этомъ же номерѣ «Очарованнаго Странника», что если и впрямь вдовы, увлеченныя идеей «театра для себя», идеей инсценировки воспоминаній начнутъ подогрѣвать обувь своихъ умершихъ мужей, чтобы она дала «запахъ покойнаго»?

Не слишкомъ-ли? А впрочемъ...

Тра-та-та! Звените мои бубенцы!..

Даже духъ захватываетъ отъ такой головокружительной скачки. А кругомъ груды фактовъ и маски, маски безъ конца.

Вся уголовщина поднята на ноги, всѣ ужасы изъ учебниковъ патологіи. Преступники, маниаки, сладострастники, самодуры «заграничные» и «отечественные».

Поистинѣ Всемагнитъ и Всемоторъ, альфа и омега.

Теперь-ли сомнѣваться въ театрократию? Ужъ такъ несомнѣнно, что даже Евреиновъ не можетъ скрыть улыбку радости при пере-

листваніи этого увлекательнаго альбома прельстительныхъ масокъ.

Шутовская улыбка развеселаго гаера..

Однако, быть можетъ, пора прекратить эту недостойную игру такими страшными вещами?

Вѣдь, и игра можетъ быть недостойной и страшною...

Но успокойтесь, прислушайтесь къ неожиданнымъ и страннымъ словамъ:

«Я трублю вамъ, какъ гаеръ сегодня и святой завтра».

Не новыя-ли интонаціи въ развеселомъ гоголѣ «крикливаго шута Ея Величества Жизни», и не заискилась ли святостью пестрая риза его?

Не напрасно же лучшія слова свои сказалъ онъ въ главѣ «Донъ Кихотъ и Робинзонъ».

И, не уподобимся мы теперь Санчо-Пансо и не спросимъ:

«Но вамъ-то, ваша милость, изъ-за чего сходить съ ума?».

Ибо узнали мы въ этомъ гаерѣ современности, въ этомъ шумливомъ апологетѣ театральности, Донъ-Кихота сегодняшняго дня, а въ оглушающей трубѣ его, зовущей къ театрализации жизни и посягающей шумомъ своимъ, нахрапомъ, вырвать міръ изъ лапъ логическихъ необходимостей, — великолѣпное копье Печальнаго Рыцаря.

Тамъ, гдѣ на Донъ-Кихота повѣяло восхитительнѣйшими ароматами, тамъ Санчо-Пансо услышалъ запахъ пота.

«Чей жребій слаще?—спрашиваетъ Евреиновъ, какой выборъ благороднѣе, результаты какого выбора желательнѣе въ этомъ проклятомъ мірѣ, гдѣ ни будь мы «quand même» Донъ-Кихотами не найти ни одной Альдонсы, отъ которой пахло бы разжиженной амброй»...

Но онъ обрѣлъ свое Донъ-Кихотство и оправдалъ свое право на него, ибо нашель Альдонсу свою—великую театральность и повѣяло на него восхитительнѣйшими ароматами творческаго преображенія жизни.

Онъ осѣдлалъ своего Россинанта и его Россинантъ оказался быстроногимъ безумцемъ.

И не напрасно заговорилъ онъ о другомъ странствующемъ рыцарѣ, «сумасшедствующемъ безъ всякой причины»,—о Робинзонѣ...

«Вѣдь, если вы любите сказку, вы должны хотѣть этой сказки и въ жизни; если вы называете дѣтство золотымъ, вы должны хотѣть раззолотить его золотомъ и свою взрослость».

Отъ развеселыхъ ризъ развеселаго гаера къ облику Рыцаря Печальнаго Образа, отъ увлекательнаго и увлекающаго позерства къ той высшей искренности, которая осущест-

вляется ребенкомъ, предоставленнымъ въ дѣтской самому себѣ, отъ изысканности утонченныхъ масокъ современности къ звончатымъ шелестамъ маскарадныхъ украшеній дикаря..

И самое значительное: «когда я говорю театръ, я слышу разговоръ ребенка съ неодушевленными предметами»...

Ахъ, должны же вы себѣ представить, ну, представьте же себѣ какія будутъ это слова, — нѣжные, донъ-кихотствующія слова.

И, вѣдь, если же вы дѣйствительно любите сказку, господа, вы должны хотѣть этой сказки и въ жизни!...

II.

«Не быть самимъ собой»,—вотъ императивъ театральности, взыскающей о нездѣшнемъ и вотъ неожиданное выявленіе ея

—Владиміръ Маяковскій!

Невѣроятно себя нарядивъ

Пойду по землѣ, чтобъ нравился и жегся.

Пусть возрадуется Евреиновъ клоунадѣ, которую творить онъ, этотъ гаеръ сегодня и святой завтра. Пусть аплодируетъ ему, пусть аплодируетъ кричащимъ нарядамъ этого «актера для себя», ибо вотъ она, воплощенная театральность, та театральность, когда воля къ театру, воля не быть самимъ собой разрѣшается въ величайшей откровенности, разрѣшается въ той дѣтскости, которая не стѣсняется себя.

Театральность и послѣдняя откровенность!—О, это поистинѣ парадоксы творческаго духа.

..... Я

Весь изъ мяса,

Человѣкъ весь.

Кто рѣшится на такое признаніе?

Кто рѣшится такъ-таки на публикѣ сдѣлать такую гримасу, отважится на такую дѣтскость?

А вотъ Маяковскій отважился.

Для чего?

Но, видите-ли, господа, «дважды два превосходная вещь, но дважды два—пять, премилая иногда вещьца».

Захотѣлъ и сдѣлалъ. . .

Ну, что-жъ, гримасничайте, гримасничайте, Владимиръ Маяковскій, покажите себя во всей своей наготѣ, со всѣми своими хотѣніями неожиданными.

Недаромъ же въ «Театрѣ для себя» ссылки на Достоевскаго. А, вѣдь, вы помните, въ «Запискахъ изъ подполья»:

«Съ чего это непремѣнно вообразили они (мудрецы), что человѣку надо непремѣнно благоразумно-выгоднаго хотѣнія... Я очень

радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны. Вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣе руладу сдѣлаю».

А я человекъ, Марія,

Простой

Выхарканный чахоточной ночью въ грязную руку Прѣсни.

Мало, такъ слушайте еще:

Голодненькіе потненькіе покорненькіе

Закисшіе въ блохастомъ грязненькѣ Идите.

Растеть и ширится ужасная маска, какъ клещами сдавила насъ.

Довольно, довольно, Владиміръ Маяковский, вы сами не выдержали гримасъ своихъ, вы ужъ не говорите, а стонете.

Меня сейчасъ узнать не могли бы! Жилистая громадина стонетъ корчится

Что можетъ хотѣться этакой глыбѣ А глыбѣ многое хочется.

Но, позвольте, ужъ и вы-ли не собираетесь донъ-кихотствовать? Тогда продолжайте; мы, кажется, начинаемъ понимать васъ, великій актеръ, великій гримасникъ.

Мама!

Вашъ сынъ прекрасно боленъ

Мама!

У него пожаръ сердца.

Какія другія слова? Кто могъ ожидать отъ громадины жилистой: мама!

Гдѣ же то nihil, которое поставлено было надъ міромъ? Не здѣсь-ли:

Мама!

Пѣть не могу

У церковки сердца занимается клирость...

Такъ вотъ онъ какой, этотъ Маяковский?

О, какъ наивна, какъ мило смѣшна эта устрашающая насъ маска, какія наивныя и

смѣшныя слова знаетъ она; и много еще другихъ, хорошихъ словъ теплится тамъ, въ церковкѣ сердца.

Она можетъ быть ласковой, эта жилистая громадина, и изъ нея много, много лучистыхъ и свѣтлыхъ глазъ просится выглянуть.

Но не пускаетъ великій гримасникъ, и какъ же пустить ихъ, когда

Мы

Каторжане города лепрозорія

Гдѣ золото и грязь изъязвили проказу.

Какъ же пустить ихъ, одинокихъ и пугливыхъ, ихъ такъ легко оскорбить, а главное, они сами такъ оскорбительны для этого міра, изнывающего въ трагизмѣ своемъ?

Какъ же пустить ихъ, когда

Улица корчится безъязыкая

Ей нечѣмъ кричать и разговаривать.

Улица корчится и этотъ странный Донъ-Кихотъ обрекъ себя изъ любви къ мельчайшей пылинкѣ живого на корчи и муку.

Мучится и корчится въ какомъ-то изступленномъ сладострастїи, изступленный любовникъ Жизни, нѣжный и ревнивый любовникъ, —наглый и дерзкій хулитель неба, возставшїй на него за муку любовницы своей...

«Облако въ штанахъ» — блестящая книга блестящихъ, великолѣпныхъ неожиданностей. Недостатки?

О, ихъ много, безъ конца, но не о нихъ говорить.

Ибо самое главное въ этой книгѣ — угроза ея, — угроза стать частью нашего взыскающаго духа, такъ какъ поистинѣ она — кровавыя лоскутки сердца современности.

Викторъ Ховинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОКЪ

издающїйся въ Петроградѣ подъ редакціей А. Н. Римскаго-Корсакова, при ближайшемъ участїи Ю. Вейсберга, В. Г. Каратыгина, проф. И. И. Лапина, А. В. Оссовскаго, П. П. Сувчинскаго и Ю. Д. Энгеля.

„Музыкальный Современникъ“ не органъ партїйный въ какомъ бы то ни было смыслѣ этого слова, а органъ музыкальной культуры въ Россїи.

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОКЪ“ выходитъ въ видѣ: а) ниниень „МУЗЫКАЛЬНАГО СОВРЕМЕННОКА“ (размѣромъ отъ 5 до 6 листовъ), выпускаемыхъ 8 разъ въ году (съ сентябля по апрѣль) и иллюстрируемыхъ нотными примѣрами и художественными репродукціями (эскизы декорацій, костюмовъ, портреты музыкальных дѣятелей, художественныя карикатуры и т. д.), и б) Хроники „Музыкальнаго Современника“ (отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ мѣсяцъ), состоящей изъ 1) рецензїи, 2) корреспонденцій; 3) обзора печати, 4) обзора дѣятельности муз. об-ва, 5) хроники, 6) полемики, 7) библиографическихъ и нотографическихъ перечней, 8) писемъ въ редакцію, 9) почтсваго ящика.

Журналъ будетъ печататься на бумагѣ верже.

Съ первой книжки журнала начнется печатанїемъ, неизданная еще обширная, обнимающая нѣсколько десятилѣтїи, переписка М. А. Балакирева и Н. А. Римскаго-Корсакова, съ предисловіемъ и примѣчанїемъ проф. С. М. Ляпунова.

Подписной годъ считается съ сентябля. Подписка принимается въ отдѣленїи конторы журнала — Петроградъ, Рыночная, 10, конт. „Сиріусъ“ тел. 583-67. При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разсрочка. Подробный проспектъ съ программой журнала, спискомъ сотрудниковъ и намѣченныхъ статей высылается по первому требованію бесплатно.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Петроградъ, Свѣчной 12. пер., 2, кв. Тел. 643-07.

Въ изд. „Современнаго искусства“ вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:

**Н. Н. ЕВРЕИНОВЪ.
ТЕАТРЪ ДЛЯ СЕБЯ.**

Украшенія книги худож. Н. И. Кульбина.
Цѣна 1р. 75 к.

**ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ.
СТЕНЬКА РАЗИНЪ.**

Романъ.
ВЫЙДЕТЪ НА ДНЯХЪ.

Открыта подписка на 1916 г.

на

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“.

ПЕТРОГРАДЪ.

4-й годъ изданія.

Вышелъ № 10 (Октябрь).

I СУРОВЫЕ ДНИ.—Ив. Шмелева. II. МОИ ВЛУЖДАНІЯ.—А. Герцыкъ. III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Анны Ахматовой. IV. ЖАКЪ КАЗОТТЪ.—Андрея Левинсона. V. ВЛЮБЛЕННЫЙ ДЬЯВОЛЪ.—Повѣсть Жака Казотта. Переводъ съ французскаго.—И. Вильманъ. VI СТИХОТВОРЕНІЯ.—Вильяма Блэйка. Пер. С. Маршана. VII. СИЛУЭТЫ.—Николая Шапиръ. VIII ПЕННИ.—Романъ, въ 3-хъ частяхъ.—Сигрида Ундсетъ. Перев. съ норвежскаго М. Благовѣщенской. IX ОБЩЕСТВЕННАЯ САТИРА КАРЛА ГОЦЦИ.—А. Гвоздева. X. ФОРМЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ*МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ.—Ю. Деловскаго. XI. ТРАУРНАЯ ГОДОВЩИНА.—Виктора Чернова. XII. ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ДЕПУТАТАМЪ. Д. Заславскаго. XIII. ОГРАНИЧЕНІЕ ПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ.—М. Лурье. XIV. ГЕРМАНИЯ И БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ.—И. Брусиловскаго. XV. РАЗРОЗНЕННЫЯ СТРАНИЦЫ.—Григорія Ландау. XVI. ПАМЯТИ УМЕРШИХЪ.—Д. И. Тихомировъ.—Вильгельмъ Виндельбандъ.—С. I Гессена. Рене-де Гурмонъ—Н. Пунина. XVII. БИБЛИОГРАФІЯ.

256 стр. текста; цѣна въ отдѣльной продажѣ 60 к.

Подписная цѣна на 1916 г.

Съ достав. и пересыл. на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р. на 3 мѣс. 2 р. 25 к.,

Подписка принимается: въ Главнѣй конторѣ журнала—Петроградъ, Загородный пр., 21, въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Издательница С. И. Чащина.

О ПОДПИСКѢ

— НА —

„ЖУРНАЛЪ-ЖУРНАЛОВЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НОВАГО ТИПА.

ОРГАНЪ КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, КАЛЕНДАРЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

Въ вышедшихъ №№-ахъ „ЖУРНАЛА-ЖУРНАЛОВЪ“ были напечатаны статьи и замѣтки: Арк. Аверченко, Ник. Ашешовъ, Арк. Буховъ, Вад. Бѣловъ, И. Василевскій (Не-Бунва), А. Л. Вольнскій, Ю. Волинъ, Евгр. Вѣнскій, Л. Галичъ, Ал. Гидони, Н. Глѣбовъ, Бор. Гу-нъ, Евграфъ Дольскій, Н. Долговъ, Ал. Дейчъ, Н. Евреиновъ, Иннокентій Жуковъ, Еф. Зозуля, А. И. Купринъ, Г. Качаловъ, В. Князевъ, Н. О. Лернеръ, М. Левидовъ, Г. Лукомскій, Евг. Мауринъ, Б. Мирскій, И. Накатовъ, С. Недолинъ, О. Л. Д'Орь, Як. Окуневъ, И. Потапенко, Пессимистъ, В. Протопоповъ, М. Пустынинъ, Скиталецъ, Ил. Соломинъ, Э. Скорпионовъ, Ал. Тамаринъ, Ал. Тяняковъ, И. Туркельтаубъ, Теффи. Л. Фортунатовъ, К. Чуковекій и мн. др.

Редакторъ—И. Василевскій (Не-Бунва).

Номеръ „ЖУРНАЛЪ-ЖУРНАЛОВЪ“ для ознакомленія высылается за 10 коп. марку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—4 р., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 55 к.
Новые подписчики, приславшія подписныя деньги на годъ—получаютъ всѣ вышедшія №№-ра (35 экз.).

== БЕЗПЛАТНО. ==

Редакція и Гл. Контора—Петроградъ Невскій пр. 63. Тел. 169-55.